

Борис Чечельницкий

Кривая речь

Борис Чечельницкий
Кривая речь
Серия «Петроградская сторона»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12847176
Кривая речь: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-93682-937-6

Аннотация

Вашему вниманию представляется сборник стихов Бориса Чечельницкого.

Содержание

Красавица и чудовище (из раннего)	6
«Жест, выражающий слово „отъезд“...»	6
«Непроглядная ночь, словно мертвая зона...»	8
Иллюзии Артемона	9
«Просторные бреши в уме...»	11
Красавица и чудовище	12
«Я опять тороплюсь перекраивать минус на плюс...»	14
Египетская ночь	15
Изваяние	16
Из стихов о «Зените»	17
Пиит (стихи последних лет)	18
«По мне – что купорос, что опорос...»	19
«Я свое реноме многократно понижу...»	20
«На танцполе миграция туш...»	21
«Тупик эволюции. Время итогов...»	22
«Пищу из чрева матушки земли...»	23
«Шла она, словно сваи вбивала...»	24
У меня в носу ни одного седого волоса	26
Энтомологическое	28
1	28
2	28
«С фортуниной спиной я был на ты...»	30

«В пронзительном голосе тлеет угроза...»	31
Почему я не в меру упитанный лирик?	32
«Бродя с мольбертом по полянам...»	33
«Вышло так, что не зверь побежал на ловца...»	34
Зимняя любовь	35
«Приятель ворчливый...»	36
«Я как-то сам...»	37
«Весна. Чернеет на обочинах...»	38
День влюбленных	39
Хорошая девочка Люда	40
«Перестали жечь глаголы...»	42
Мысли о школе	44
Пиит	46
1	46
2	46
3	47
4	48
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Борис Чечельницкий

Кривая речь

© Чечельницкий Б., текст, 2015.

© «Геликон Плюс», макет, 2015.

* * *

*Диалог с учителем
(два экспромта)*

*Вот столица Перу – Лима.
Потянулся к перу. Мимо.*

Б. Чечельницкий

*А вот это Сантьяго —
столица Чили.
Вот тебе перо и бумага,
И пиши, как учили.*

В. А. Лейкин

Красавица и чудовище (из раннего)

**«Жест, выражающий
слово „отъезд“...»**

Жест, выражающий слово «отъезд»,

Бессилен, как бабка с клюкою.
Едва ли не самый беспомощный жест —
Прощальные взмахи рукою

С перрона куда-то в плацкартную клеть,
Шаги учащая по ходу,
За той, кого хочется просто иметь,
Как небо, как солнце, как воду.

«Непроглядная ночь, словно мертвая зона...»

Непроглядная ночь, словно мертвая зона.
Я боюсь покидать это царство теней,
Но под утро протяжные вопли клаксона
Полоснут по артерии сонной моей.

По рецепторам спящим скользнут мимоходом.
Я обрушу на окна шипенье брызги.
А потом, как по нотам, – увижу панно там,
На которое смачно ложатся мазки.

Хаотичные точки на фоне асфальта,
Номинально они – Иванов и Петров.
Высыпает автобус осколками смальты
Живописную россыпь плащей и зонтов.

Я сегодня одет и побрит безупречно.
Я такой же, как все, – не косой, не рябой.
Посмотри, как бугрится на улице некто.
Это я неудачно смешался с толпой.

Иллюзии Артемона

Обойдусь без пропеллера
И Икаровых крыл.
Мне бы хватку ротвейлера:
Пасть пошире открыл,

Дабы рывкнуть раскатисто,
Выгнув грудь колесом,
И уже доказательства
Правоты налицо.

А под действием силушки
Разберем, who is who.
И прорежутся крылышки
На гагачьем пуху.

Затрепещут пернатые,
Затмевая зарю.
Врежусь в облако ватное
И крылом пропорю.

Это только прелюдия,
Недобор высоты.
Есть у мелкого пуделя
Покрупнее мечты.

Мне бы хватку ротвейлера.

«Просторные бреши в уме...»

Просторные бреши в уме.
Бессмысленно черепа тру дно.
Так нищий скребет по суме.
Любое мое резюме
Подвергнуть сомнению нетрудно.

Я знаю – нужна глубина,
Но несколько строчек налузгав
(В которых она не видна,)
Приходится черпать со дна
Последних прилипших моллюсков.

Жемчужины стали мельчать,
Едва различимы крупницы.
Выходит, пора замолчать,
Ведь дело привычки – зачать,
Но дело ума – разродиться.

Красавица и чудовище

Тянуться щупальцами спрута,
Вонзать упругие присоски,
Таращить бельма пучеглазо
И мимикрировать над ней.
Втащить в собачью халабуду
И, не помяв на ней прически,
На тело в форме контрабаса
Дышать из огненных ноздрей.

Накрыть верблюжьим одеялом,
Казаться кротким, а не дерзким,
И при позывах к рукоблудью
Давить ногой на тормоза.
Меня мамаша изваяла
Не Аполлоном Бельведерским
И даже вскармливала грудью,
Надев повязку на глаза.

Я был в Непале и на Кубе
Как резидент и переводчик,
Кружил по свалкам в самосвале,
Ел только хлеб, сухой, как жмых.
Но на одной секретной клумбе
Сорвал ей аленький цветочек,
Который зорко охраняли

Бойцы в беретах голубых.

Я тешусь мыслью вожденной:

Одну ее любить до гроба.

Почить у скважины замочной,

Сраженным ею наповал.

Она отнюдь не мисс Вселенной,

Всего лишь вице-мисс Европы,

К тому же северо-восточной.

Я сам ее короновал.

«Я опять тороплюсь перекраивать минус на плюс...»

Весь этот блюз.

В. Серебренников

Я опять тороплюсь перекраивать минус на плюс,
Но штришок вертикальный меняет по сути лишь форму.
Я фальшиво пою от привычки к животному корму,
А отрыжка отнюдь не похожа на «Весь этот блюз».

Я, наверно, влюблюсь, чтоб ночами не маяться стрессом.
Чтоб от чувств распирающих душу раздуло, как флюс.
Я сегодняшней ночью в кого-нибудь точно влюблюсь,
Если вспомню, что общего было у Данте с Дантесом.

Я пойду темным лесом, в трех соснах попутанный бесом.
Ни любви не найду там, ни Бабы-яги с помелом.
Но пойму под корягой, придавленный всем ее весом,
Что на свалку из плюсов похож в ноябре бурелом.

Египетская ночь

Невеста златокудрая,
Ты села в позу лотоса.
Встречая это утро, я
Разгладил позолоту сам.

Не шелохнулась, надо же,
И я застыл в раздумиях.
Не даст бальзама на душу
Египетская мумия.

Зрачок пустой, как косточка.
В белке снегов Таймыра вал.
И я бальзамом «Звездочка»
Тебя забальзамировал.

От слез горючих, репчатых
Вся растеклась до доньшка.
А я-то думал – крепче ты,
Родная фараонушка.

Изваяние

Я вылепить бабу отважился
И к голосу сердца прислушался.
Я клодтился, я микеланджился,
Роденился и аникушился.

Но образ в ладонях драконился,
А в мыслях бесплотных – невестился.
Я мухился, пигмалионился
И даже слегка неизвестился.

Но фауной щедро удобренный,
Линяющей и оперившейся,
Несчастный, никем не одобренный,
Стоит монумент пикассившийся.

Из стихов о «Зените»

В песочнице играет синеглазка,
Куличики лопаточкой гранит.
Она не знает, что такое Глазго:
На шарфике написано – «Зенит».

Она не знает, кто такой Манчестер,
Куличики песчаные плодя.
А папа на скамейке курит «Честер»,
Выгуливая резвое дитя.

Писклявый лепет спрыгивает с губок.
Дитя машинку просит напрокат,
Но твердо знает, если будет КУБОК,
Подарят куклу, велик, самокат.

Пиит (стихи последних лет)

«По мне – что купорос, что опорос...»

По мне – что купорос, что опорос.
Кручу из слов кульбиты и рондаты.
Свиной щетиной образ мой оброс,
А шутки хороши, но бородаты.

И больно щекотливы, как клопы.
Я иже с ними доброго не сею.
Предвосхищать превратности судьбы
Поручено не мне, а Моисею.

Так в армии майор не чин, а я
И в рядовых не виден на параде,
Поскольку кроме ерничания
Умею только ерничать в квадрате.

В его просторах бодро семена,
То растворюсь, то выпрыгну неожиданно.
Как кофе из колосьев ячменя,
Как каучук из полиуретана.

«Я свое реноме многократно понижу...»

Я свое реноме многократно понижу.
Ниже уровня моря, до поймы сырой.
Я в ущербной стене отыщу свою нишу.
Отыщу, а потом замурую мурой.

Нет чтоб вирши слагать про гимнастку в лосинах.
Как она грациозна и как импоза...
Разбираюсь в себе, как свинья в апельсинах,
Как в бананах козел и в баянах коза.

Акробатка мне дарит свои пируэты,
Но в дуэте я с ней – как слепой в синема,
А поэты – они и в Зимбабве поэты,
Только рифм перекрестных в Зимбабве нема.

«На танцполе миграция туш...»

На танцполе миграция туш.
Исподлобья стреляют орудия.
А у этой объемная тушь
Повлияла на бедра и грудь ее.

Я вздохнул, как большой геликон.
Кровь вскипела от группы до резуса.
Прислонился, а там силикон.
Отпружинил и в бармена врезался.

А девчонка была – высший балл,
Пофактурней мадонн Рафаэлевых.
Жаль, что бармен позвал вышибал,
Натуральных, мясистых, не гелевых.

«Тупик эволюции. Время итогов...»

Тупик эволюции. Время итогов.
Младенцы глаголют устами пророков.
Рожденью бессмертных моих монологов
Не служат «агу» и «уа».

Пока хорохорюсь, глумлюсь, сатанею,
Не бальзамируюсь, не каменею,
Мы ни за что не догоним Гвинею,
Биссау и Папуа.

«Пишу из чрева матушки земли...»

Пишу из чрева матушки земли.
С четвертой ветки метрополитена.
Прикинувшись мыслителем Родена,
Ищу галлюцинации Дали.

Одну нашел, царапаю гвоздем
На желтой стенке сгусток умозрений:
«Блевотина цветет, как куст сирени,
Бульдозером зарытый в глинозем».

Напротив – грандиозная любовь.
Так сладко любят только до женитьбы.
Целует в губы – попадает в бровь,
А мне на натюрморт не наступить бы.

«Шла она, словно свай вбивала...»

Шла она, словно свай вбивала.
Нос – по ветру, лицо – кирпичом.
Шла она, как ни в чем не бывало.
Шла она, как бывало, ни в чем.

Не купилась на басму ли, хну ли.
Юных черт не уродовал ум.
Модельеры на ней отдохнули —
Не буквально, а через костюм.

На свету преломляясь, как призма,
Оттопыривши пальчики врозь,
Шла, а губы кривились капризно,
И глазищи сверлили насквозь.

Солнце в прятки играло на теле,
Алым блеском горели уста.
Но очки у меня запотели.
Не скажу про другие места.

Подойти постеснялся на людях.
Предпочел бы я встречу в полях.
Подарил бы фиалку и лютик,
Поделил бы ночлег на паях.

Кувыркались в глазах бесенята,
Просочилась слеза из угла.
Кто-то выкрикнул: «Снято! Всё! Снято!»
Так я вижу, что всё, догола.

Повстречался я с этим «Люмьером».
Mille pardons, говорю, guten tag,
Вы бы взяли меня костюмером.
Я согласен работать за так.

У меня в носу ни одного седого волоса

*У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду – красивый...*

В. Маяковский

У меня в носу ни одного седого волоса.
Собственноручно выдернул последний.
Бодай комар, кусай его оса,
Горбатый, тридцатидевятилетний.

И поделом – терплю, не соболезнаю.
Зарубок предостаточно везде ведь.
Ты хоть одной зарубкою полезною
Отметился за долгих тридцать девять?

Когда-то на сопливом детском носике
Я зарубил, где хлюпал у оврага ты:
«В лесу, где ни тропинки нет, ни просеки
Не стоит собирать лесные ягоды».

А толку – ноль, естественно, раз весь из той

Породы хлипкой, челюстноотвислой,
Не запасешься клюквою развесистой,
Придется вновь довольствоваться кислой.

Так и плутаю с верой в долю лучшую.
Все потчуюсь клубничкою лежалою.
В соавторстве с душой своей заблудшею
Дурным ногам покоя не пожалую.

Энтомологическое

1

Здесь солнце теплит чахло, а звезда не
Роняет свет на твердь земной коры.
И тучи кровожадной мошкары
С пропискою в глухом Мошкартастане.

Там солнце лижет сочную траву,
Даруют звезды свет Мошкартастану.
Я о прописке спрашивать не стану.
Поймаю – руки-ноги оторву.

2

Живешь на отшибе, где многим отшибло память,
Посносило крыши, сорвало и сдуло полог.
Как бить таракана и муху и в пальцах клопа мять,
Ты еще помнишь, поскольку не энтомолог.

С памятью худо, стала случайной жертвой.
Смог по сусекам с трудом наскрести осьмуху.

Об пол на счастье вдребезги бит фужер твой.
Где оно, счастье? Помнишь клопа и муху.

«С фортуниной спиной я был на ты...»

С фортуниной спиной я был на ты.
Фортуна, как всегда, со мной на вы была.
Пугливо прокудахтала: «Кранты!» —
Как будто из «курантов» буква выпала.

Я тороплюсь, а вдруг не пробил час,
Туда, где благодать и пристань тихая.
Но время мчит, песчинками сочась,
Бросая тень, и капая, и тикая.

«В пронзительном голосе тлеет угроза...»

В пронзительном голосе тлеет угроза.
– Тебе не возвыситься на пьедестале,
Ведь ты не бежал впереди паровоза.
Да я бы бежал – выпускать перестали.

И голос затих в непонятке нервной.
Ответ скрикошетил, как в гулкую бочку:
– Сначала закрыли завод паровозный,
А после меня – на засов и цепочку.

Почему я не в меру упитанный лирик?

Почему я решил, что умею смешить?
Толстый лирик умеет в объятых душисть.
Тонкий может дрожащие веки смежить,
И прозванивать тонким фальцетом,

И прощупывать пульс, и простукивать нерв,
Без пальбы отбивать у стервятников стерж,
Толстый тоже умеет без крови и жертв,
Но насилует струны пинцетом.

Я зачем-то решил, что умею смешно.
Почему это мной за меня решено?
Если клюнул петух, почему не пшено,
А рисуется пятая точка?

А у тонкого вновь колокольчик динь-дон,
А у толстого дождь колоколит в бидон.
У меня полутон – как асфальт и бетон:
Ни былинки на нем, ни цветочка.

«Бродя с мольбертом по полянам...»

Бродя с мольбертом по полянам,
Он за зеленые «рубли»
Малякал маслом конопляным
И накурившись конопли

Одно и то же: дом, крылечко,
Пустилась речка наутек,
И два зеленых человечка,
Причем один из них – Митек.

«Вышло так, что не зверь побежал на ловца...»

Вышло так, что не зверь побежал на ловца,
А синьора с большой сковородкой.
Я синьоре сказал, что синьора – овца,
Представляя овечкою кроткой.

Оказалось, что нрав у синьоры дурной,
А как только добавила скалкой,
Я подумал, что вряд ли поспеет за мной
Неотложка с крестом и мигалкой.

Зимняя любовь

О любви не пишу, опасаясь огласки.
Будет лето, я многих любовью окучу.
Мне зимою не строили барышни глазки
Ни шеренгою по два, ни косо, ни в кучу.

Я куплю себе свитер внеплановой вязки,
Потому как зима, холода ее вески.
Королевам своим презентую подвязки,
Потому что не смог наскрести на подвески.

«Приятель ворчливый...»

Приятель ворчливый,
Ты мне не поверишь,
Как хочется пива —
Не хлеба, не зрелищ.

Мне хочется пива
До дрожи в коленках,
Любого разлива,
Любого оттенка.

Как выпьешь два литра,
Забудешь навеки,
Слова из былин про
Молочные реки.

И вспомнишь не скоро
Про берег кисельный...
Пивные озера.
Пивные бассейны.

И звезды – как угли
В печи у Емели,
И дикие джунгли
Душистого хмеля.

«Я как-то сам...»

Я как-то сам
Стал кактусом
Колючим и зеленым.
Со страху сам
Стал Бахусом,
Но неопохмеленным.

Ни барышей,
Ни барышень,
Ни «бабок», ни старух нет.
И попусту
Под попу стул —
Рассохнется и рухнет.

«Весна. Чернеет на обочинах...»

А напоследок я скажу...
Б. А. Ахмадулина

Весна. Чернеет на обочинах
То, что когда-то было снегом.
Нет от предчувствий озабоченных
Заслонки с тайным оберегом.

Какая гнусная нелепица:
На полдороге бросить вожжи.
Опять улыбочка не лепится —
Не пластилиновая все же.

Я наплету словечек ласковых,
Отрады уху не сулящих.
Румяных Галкиных и Басковых
Изобразит вам телящик.

Звезда – далекая пророчица
Накуролесит так да эдак.
И я могу, но так не хочется
Желать удачи напоследок.

День влюбленных

(записки с натуры)

Долбя указательным дырку в затылке,
Девчонка мычала: «Дай плюшечку, зая».
В дымящее чрево прожженной бутылки
Он что-то пробулькал, по стенке сползая.

Им было прикольно, мне – было погано
От бледной любви мухомора к поганке.
И стенка сползала, как лава с вулкана,
Лавина со склона, варенье по банке.

Романтик сказал бы: «Их взгляды – бездонны!
Прекрасно, что мальчик и девочка любят!»
Зачем расстреляли амурсы пистоны?
Совсем потеряли чутье купидоны.
Куда они лупят? В кого они лупят?

У девочки – пирсинг с нешуточным лязгом,
У мальчика взгляд – как размытый стоп-кадр...
Хотел валентинку купить в канцелярском,
Но кто-то сказал, что она – губернатор¹.

¹ Написано в годы правления губернатора В. И. Матвиенко.

Хорошая девочка Люда

(по мотивам Ярослава Смелякова)

Болтается в космосе блюдо,
Глазок электронный скосив...
«Хорошая девочка Люда...» —
Ползет по дисплею курсив.

«Одиннадцать лет. Метр сорок.
Проводит досуг в гараже.
Не видит банановых корок.
Сейчас поскользнется. Уже.

Людмила разбила колени.
Из губ вырывается текст.
Сказала о маме, о Бене,
О женщине, падкой на секс.

На белом капоте монетой
Царапает эти слова.
Разбила стекло сандалетой
С мерцающей лайбой «Нева»,

Пошитой на фабрике «Нистру».
Артикул, цена, магазин.
Людмила роняет канистру.

Из горлышка льется бензин.

Идет человечесий заморыш.
Смердит непонятным дерьмом.
Семен Дермидонтович. Сторож.
На пенсии. Болен умом.

Заходит. Кричит почему-то.
Ударился. Начал хромать:
“Хорошая девочка Люда,
Зачем же ты, мать-перемать?”

Она не включилась в беседу,
Ругнулась и прочь побрела.
Он бросил в сердцах сигарету
Овальную, марки “Стрела”»

Рвануло, горело, дымило.
Брандспойт угольки полоскал.
Ударной волною Людмилу
Швырнуло на кучу песка.

Летит орбитальная груда
В крошечную звездную даль.
Хорошая девочка Люда
Жалеет сгоревший сандадь.

«Перестали жечь глаголы...»

Перестали жечь глаголы
Из глубокой старины,
Где иные номер школы
И название страны.

Там я глаженный, лощеный,
Недорезан, недобит.
Разум мой невозмущенный
Возмущенно не кипит.

А пройдя полжизни с гаком
Сообщу, сугуля стать,
Что, допустим, вурдалаком
Мне впоследствии не стать,

Комбайнером, сутенером,
Истребителем мышей,
Академиком, минером —
Эти выгонят взашей.

Тайн мадридских не скрывая,
Я добавлю, что вот-вот
Станет книжка трудовая
Толще, нежели живот.

И могу побиться на спор
(Так рублей на двадцать пять),
Что дадут мне новый паспорт.
Стану ягодкой опять.

Горьковатой, потому как
Сладость барышням грозит,
А пока – рожденный в муках
Ленинградский одессит.

Тридцать лет как из-за парты.
Поседел, наел бекон.
Кое-как упали карты.
Жребий брошен в Рубикон.

Не обучен гнуть фаланги,
Льстить себе, что знаменит,
А весьма приличный ангел
Опекает и хранит.

И прощает, слава богу,
Разгребая к свету путь,
Что учился понемногу
Как-нибудь, чему-нибудь.

Мысли о школе

Торя свой путь, навряд ли оглянусь,
Когда окликнет девочка, как муза.
Зато могу под вывеской: «Кому за...»
Трясти жирок, как гузкой резвый гусь.
Все реже я торжественно клянусь,
Как пионер Советского Союза.

Я позабыл заветы Ильича,
Владимира и даже Леонида.
Склеротик, такова твоя планида.
Огарок – это бывшая свеча.
И будь в стакане что-нибудь налито,
За них не выпью, голову лечу.

Про барабан и медную дуду
Не выдавлю банального сонета,
Перед глаголом впихивая «не до»,
Не допишу, до сути не дойду,
А статус одноклассника найду
В рассказах дочки, в недрах Интернета.

Найду останки школьника в себе,
Которого еще не доконали
И, как котенка, в жизнь не окунали,
А посадили в мягкое купе...

Считает льдинки в Крюковом канале
Сутулый школьник из 8-го «б».

Пиит

(жизнеописание)

1

Младой пиит пяти годов
Стоит на шатком табурете.
Он выше чуть не на две трети
Чем дядя, что уже готов
Уснуть в салате-винегрете.
А рядом родственные леди,
Все в завитушках цвета меди,
Не закрывают алых ртов,
Покуда он рифмует Гдов,
Где отдыхал о прошлом лете.

2

Подрос талантливый пиит.
Ему пошел второй десяток.
Самостоятельно стоит
И выступает против взяток.

Он восклицает, что нельзя так.
Мздоимца рифмами кроит
От самой маковки до пяток.
Растут крыла из под лопаток...
Две тети выпали в осадок,
Как будто маленький друид
Наплел сомнительных колядок,
А дядя лоб и пару прядок
В жарком от юноши таит.

3

Пииту больше двадцати.
Он и удобрен, и окучен,
Армейской мудрости обучен,
Кирзой блестящей окаблучен,
Но не поймет, куда идти.
Еще спиралью не закручен
Маршрут дальнейшего пути.
Он прочитал про скрип уключин,
Про красоту речных излучин,
Про счастье (Господи, прости).
Свисают крылья ниже брючин
И начинают пол мести...
Вид добрых тетушек измучен:
Не до поэзии, поди,
А дядя пьян, как боров, тучен.

Крест забулдыги злополучен
И не снимается с груди.

4

Тридцатник с маленьким хвостом.
Гремит на кочках колесница.
Пиит давно успел жениться,
Но снилась не жена, а Ницца,
И он склонялся над листом.
Она звала его скотом
И забывала извиниться.
Он наваял бесценный том
(Не тот, где каждая страница
Блестит в окладе золотом,
Но всякий город и станица
Должны задуматься о том,
Что под обложкою теснится).
Болят у тети поясница,
Трясется дядина десница.
И на лице его спитом
Горячка шепчет: «Пунш со льдом».
Про это ведает дурдом —
Вполне душевная больница.

Пииту больше сорока.
Жена уходит спать к Аркашке.
Он описал в многотиражке,
Как будет мять ему бока.
Его чеканная строка
Гудит в разорванной тельняшке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.